

Разумеется, четвёрка, заранее подготовленная к такому повороту событий, безропотно согласилась со всеми требованиями, изобразив на лицах подобающее случаю смирение и трепет (император при этом украдкой вытирал руки). Евнух провёл их в лёгкую охотничью колесницу, плотно закрыл окна и двери, а снаружи дополнительно опустил тонкую газовую занавесь, чтобы ни один любопытный взгляд не мог проникнуть внутрь.

Когда все расселись, слуга вошёл следом, опустился на колени и тихим, вкрадчивым голосом напомнил им, что его «господин» — особа чрезвычайно высокого положения, а потому следует быть осмотрительными в речах, сдержанными в поведении и хранить тайну. После этого наставления оба сопровождающих плотно сжали губы, опустили головы и до конца пути не проронили больше ни звука.

Снаружи — лёгкая дымка занавесей, внутри — гнетущая тишина. Колесница в полном безмолвии двигалась около часа и наконец остановилась в месте, утопавшем в зелени и цветах. В дверь несколько раз негромко постучали. Сопровождавшие их евнухи тут же поднялись, отворили дверцу и помогли четвёрке выйти.

Миновав густые заросли ив, обрамлявших дорогу, они оказались в благоухающем саду, где их повели сквозь трепещущие на ветру цветы. В тени деревьев их уже ожидала целая свита, окружавшая, словно звёзды — луну, мягкое ложе, скрытое под полупрозрачным пологом. За тонкой тканью угадывался лишь смутный силуэт.

Очевидно, это и была конечная цель их путешествия — таинственный, неуловимый, как божественный дракон, второй «император».

Лик Сына Неба был так близко, и в то же время так недостижим. Подобная таинственная и полная глубокого смысла процедура, лишённая всякой формальной торжественности, давила на психику куда сильнее, чем самый строгий дворцовый ритуал. Окажись на их месте обычный ханьский заклинатель, его нервы, и без того натянутые до предела от загадочных и молчаливых порядков парка Шанлинь, при виде истинного правителя не выдержали бы. Малейшая угроза — и он выложил бы всё подчистую. Но для тех, кто был заранее осведомлён обо всех деталях и прошёл суровую школу властных структур — особенно для Му Ци — этот спектакль не представлял ничего особенного.

Например, ещё когда хоу Чанпина посвящал его в тонкости предстоящей аудиенции, Му Ци уже строил догадки. Да, государь за занавесью кажется недостижимым и полным величия, но на самом деле он, скорее всего, пользуется укрытием, чтобы, скажем, ковырять в носу — учитывая характер императора У-ди, это было вполне вероятно. Слушать доклады о государственных делах, одновременно занимаясь таким «важным» делом, — в этом, должно быть, есть своя прелесть.

С такими мыслями в голове вся напускная торжественность парка Шанлинь теряла свою силу. Двое евнухов поспешили вперёд, пали ниц и тихим шёпотом доложили о прибывших. Следуя

строгим указаниям, они не смели произносить «Ваше Величество» или «уездный начальник», обращаясь к своему повелителю лишь «хозяин». Выслушав доклад, тот лишь коротко хмыкнул. Слуги обернулись и передали волю: приглашённым заклинателям велено «подойти и сесть».

Господин Лю, давно сгоравший от нетерпения, услышав это, решительно шагнул вперёд. Он лишь глубоко поклонился в сторону занавеси и, не говоря ни слова, опустился на мягкую подушку, расстеленную на траве.

Едва он уселся, как со всех сторон послышались тихие, сдавленные вздохи!

Очевидно, придворные, так долго служившие в Запретном городе, никогда не видели и не слышали о ком-либо столь дерзком и самонадеянном. Вид человека, который не пал ниц и не произнёс ни слова приветствия, а лишь ограничился простым поклоном, своей неслыханной дерзостью заставил всех побледнеть от изумления.

Но объект всеобщего ужаса — сам император — лишь окинул взглядом сановников своей прошлой жизни с невозмутимым спокойствием. Ещё до визита они подробно обсудили правила этикета. Согласно выработанной стратегии, ритуал должен был соответствовать обстоятельствам. Если бы другой «он» принял их в качестве Сына Неба, им бы ничего не оставалось, кроме как смиренно пасть ниц и исполнить все церемонии. Но раз уж тот скрывал свою личность, не желая показываться, то и господин Лю не собирался унижаться и кланяться впустую.

Белый дракон в облике рыбы — деяние, порицаемое всей Поднебесной. Если ты не объявил себя Сыном Неба, значит, ты — простолюдин. А простолюдину достаточно и простого поклона. Что в этом не так?

Конечно, за такое дерзкое и высокомерное поведение верные слуги должны были бы немедленно обрушить на наглеца свой гнев. Но по какой-то неведомой причине, как только преданные придворные открыли рты, их взгляды случайно упали на лицо торговца, и сердца их необъяснимо дрогнули. Они замерли с разинутыми ртами, не в силах вымолвить ни слова.

Странно, они точно никогда не видели этого лица, но почему же после нескольких мгновений их охватило жуткое, леденящее душу чувство узнавания?

Силуэт за занавесью слегка качнулся, но по-прежнему хранил молчание. Ни гнева, ни ответа. После нескольких мгновений ледяной тишины раздался хриплый голос:

— Твоя фамилия Ван?

Вероятно, это был первый разговор «себя» с «собой», разделенный тысячелетием. Даже несмотря на всю подготовку, император ощутил странное волнение. Подавив свои мысли, он ответил:

— Именно так.

Правитель за пологом больше ничего не спросил. Его взгляд, казалось, на мгновение задержался на лицах Вэй Цина и Хо Цюйбина, но тут же скользнул дальше, не проявив особого интереса.

Современная косметика в сочетании со специально приобретёнными услугами Системы всё же помогла им выдержать эту сцену.

Следуя примеру своего лидера, остальные тоже лишь поклонились и молча уселись. Видя, что Сын Неба не выказывает гнева, евнух, только что трепетавший от страха из-за нарушения этикета, наконец обрёл самообладание. Получив разрешение, он тихим голосом вновь описал симптомы болезни своего повелителя, а затем вежливо попросил искусного торговца осмотреть знатного «хозяина», заверив, что в случае успеха награда будет щедрой.

Му Ци, вжившись в роль высокого мастера, хмыкнул и, не сдвинувшись с места, произнёс:

— Это лишь скромное ремесло, которым мы зарабатываем на хлеб. Боюсь, оно недостойно внимания столь знатной особы.

Первое правило выживания при дворе императора У-ди: если у тебя действительно есть талант, ты можешь позволить себе любую дерзость, даже открыто язвить в адрес государя. Ли Шаоцзюнь, генерал Вэньчэн, Луань Да — все они позволяли себе вызывающее поведение, демонстрируя своё превосходство над вельможами. И Сын Неба всегда проявлял к ним удивительную терпимость, редкое для рода Лю человеколюбие. Однако всё это было возможно лишь при одном условии: «у тебя действительно есть талант». Если же император обнаруживал, что таланта нет...

Что ж, умереть от отравленной конской печени — тоже неплохой конец, не так ли, генерал Вэньчэн?

Как и ожидалось, из-за полога не донеслось ни звука. Вместо хозяина ответил евнух:

— В Поднебесной много искусных людей, и у каждого свои секреты. К чему такая скромность, господин? Мы пригласили вас с величайшей искренностью.

— Моё искусство врачевания требует точного соответствия лекарства болезни, — сказал Му Ци. — Я должен прощупать пульс, чтобы назначить верное лечение. Если знатная особа будет скрываться от меня, боюсь, даже сам Бянь Цюэ окажется бессилён.

Дерзко, но без злого умысла. Всего несколько фраз — и вот уже перед ними образ гордого, независимого мастера, презирающего власть и уверенного в своём искусстве. Этакая смесь самодостаточности, таинственности и пренебрежения к сильным мира сего — именно тот

типаж, который так привлекал нынешнего императора. Из-за полога донёсся шорох, и двое слуг, приподняв лёгкую ткань, вынесли из-за неё руку, которую можно было бы назвать крепкой.

Увы, после месяца непрерывных болезней рука эта выглядела бледной и исхудавшей. Му Ци опустил глаза на запястье, но не спешил прикоснуться к нему. Император заранее предупредил его, что в эту эпоху представители высшей знати почти все разбирались в медицине. Достаточно было одного взгляда, чтобы определить, правильно ли он щупает пульс. Поэтому ему следовало избегать демонстрации своих слабых познаний и прибегнуть к трюкам, которые никто не сможет разгадать...

Он снова щёлкнул пальцами. Бледно-голубое пламя вспыхнуло, лизнуло запястье и тут же исчезло без следа. Этот приём, исполненный с лёгкостью, вызвал со всех сторон тихие вздохи изумления.

Сложив руки, Му Ци спокойно произнёс:

— У вас жар от летнего зноя. Его нужно вывести.

Стоявший рядом слуга тут же передал вопрос своего господина:

— Наш хозяин всегда ведёт размеренный образ жизни. Отчего же он мог вдруг пострадать от зноя?

— Неужели «размеренный»? — с лёгкой усмешкой переспросил Му Ци. — Боюсь, ваша милость уже много месяцев не ложилась спать вовремя. Просиживать ночи напролёт при свечах... ах да, ещё и неумеренность в еде, употребление большого количества холодной и острой пищи. Всё это очень вредит здоровью.

Рука, протянутая из-за полога, тут же дрогнула. Человек за тонкой тканью наконец заговорил сам, и голос его был всё таким же хриплым:

— Откуда ты знаешь?

Откуда он мог знать? Разумеется, от самого императора!

За эти месяцы, проведённые в обществе Его Величества, Му Ци досконально изучил его распорядок дня. Поначалу он полагал, что привычки ханьской троицы не сильно отличаются от обычных людей древности, живущих по солнцу. Но, пообщавшись с ними подольше, он с изумлением обнаружил, что привычки императора поразительно напоминали современных студентов, ведущих ночной образ жизни!

Конечно, у правителя не было ни смартфона, ни онлайн-игр, чтобы коротать ночи. Но радости

ночных пиров в феодальную эпоху ничуть не уступали современным развлечениям. Особенно в знойные ночи государь часто созывал приближённых для охоты и пиршеств. А после, разгорячённые, они залпом пили ледяную медовуху и сладкое вино — несравненное удовольствие. После прибытия в современный мир эта пагубная привычка не только сохранилась, но и усугубилась под влиянием новых соблазнов. Кола! Жареная курица! Ледяной арбуз! Видеоигры!

Так почему же Сын Неба так часто болел летом? Что означало это «подвергся влиянию сезонных миазмов»? Когда ты ложишься спать в час ночи, запиваешь жирное мясо ледяной водой, постоянно подвергая организм резким перепадам температур, было бы чудом, если бы ты не заболел!

В современном мире есть легкодоступные лекарства, а в древности приходилось полагаться только на собственный иммунитет. Если долго его испытывать, то рано или поздно он даст сбой.

— Разумеется, я увидел это по вашему пульсу, — невозмутимо ответил Му Ци.

— ...Ты ведь даже не прикоснулся ко мне.

— Я же сказал, мне достаточно взглянуть на пульс. И я уже взглянул, — с важным видом произнёс он. — Пульс вашей милости слаб и прерывист, беспокоен. Это явный признак нарушения режима, резких перепадов от жара к холоду и длительного потворства своим желаниям. Вы сами навлекли на себя эту беду, растратив жизненные силы.

Прислуживающие придворные замерли в гробовом молчании. С одной стороны, их поразила пронизательность этого человека, с другой — они оцепенели от ужаса, услышав столь дерзкие речи. Сын Неба за пологом не ответил сразу, казалось, он тоже был потрясён. Перед тем как пригласить этих людей, он велел своей тайной страже тщательно проверить их прошлое. Судя по докладу, они были чисты, и не было никаких улик, указывающих на их связь с кем-либо из столичной знати...

Если у них не было связей с высшим светом, то они не могли знать о деталях пиров и развлечений государя, тем более с такой точностью. Неужели этот человек и впрямь владеет каким-то таинственным искусством?

Хозяин парка Шанлинь, хоть и верил в магию, обладал и элементарной осторожностью. Пока его сомнения не были полностью развеяны, он не спешил с выводами. Поэтому рука его, дрогнув, тут же замерла. Но заклинатель, напротив, с невозмутимым видом продолжил:

— ...Кроме того, в последнее время ваша милость ест слишком много личи и пьёт слишком много сока из сахарного тростника. Эти плоды, безусловно, сладки, но по своей природе они обладают свойством «сухого жара» — горячи и очень вредны для ослабленного организма...

Это была ещё одна совершенно секретная информация. Пристрастие к личи и соку сахарного тростника появилось у Сына Неба всего несколько лет назад, а эти заморские диковинки были настолько редки, что даже высшая знать столицы могла о них не знать. Если этот человек мог с такой уверенностью говорить о подобных тайнах, значит, он действительно обладал невероятными способностями.

Осознав это, Сын Неба тут же изменил своё отношение. Он заговорил сам, и голос его стал заметно мягче:

— Господин говорит разумно. Как же мне следует лечиться?

— Достаточно будет принять несколько пилюль, — сказал Му Ци. — Однако лекарства — это лишь вспомогательное средство. Главное — заботиться о себе. Вашей милости следует проявлять сдержанность, не злоупотреблять вином и не предаваться чрезмерным удовольствиям.

В этом и заключалось преимущество правильно созданного образа. Если бы придворные лекари робко посоветовали государю вести умеренный образ жизни, они, скорее всего, удостоились бы лишь раздражённого взгляда. Но когда тот же совет исходил от искусного мастера, Сын Неба задумался и после паузы медленно произнёс:

— ...Я понял. Прошу господина приготовить для меня несколько пилюль на пробу.

Тут же несколько слуг подошли и расставили доску для резки и ступку для смешивания лекарств. Приготовление снадобий на глазах у знати было не столько демонстрацией знаний, сколько показом мастерства. Му Ци прекрасно это понимал, поэтому применил множество эффектных приёмов, всю щеголяя фокусами: щелчком пальцев зажигал огонь, другим щелчком — гасил, выдыхал пламя, извергал воду; заставлял пилюлю менять цвет с красного на синий, с синего на зелёный, а затем переливаться всеми цветами радуги. Окружавшие его стражники поначалу пытались сохранять невозмутимость, но вскоре и они не выдержали, разинув рты от удивления.

Очевидно, даже среди многочисленных заклинателей парка Шанлинь такая серия ловких трюков была весьма впечатляющей!

Завершив своё представление, основанное на школьном курсе химии, он преподнёс пять пилюль, состоящих из коптиса, полыни, пенициллина, ацетаминофена и других ингредиентов. Проверенное средство, одна пилюля — и мгновенный эффект.

Однако, когда слуги отнесли лекарство за полог, Сын Неба на ложе не выказал особой реакции. Напротив, осмотрев их, он неожиданно спросил:

— Помимо врачевания, какими ещё искусствами владеет господин?

Началось!

Му Ци мысленно подобрался, его бдительность обострилась. Хотя император У-ди и прослыл в веках главным покровителем мистиков, у него была своя система проверки. Во время первых встреч он редко проявлял чрезмерный энтузиазм. Лишь после того, как гость демонстрировал достаточно убедительные таланты, правитель снисходил до проявления своей щедрости.

Впрочем, обычно заклинателям требовалось несколько аудиенций, прежде чем государь намекал на свои истинные желания. То, что он решил действовать так быстро, говорило о том, насколько впечатляющей была демонстрация.

Такой успех был поистине удивителен. Но для некоторых заинтересованных лиц он был как нож в сердце. Например, для некоего торговца по фамилии Ван, который с самого начала сидел молча, лишь мрачно наблюдая за представлением. Хотя он и ожидал чего-то подобного, видя, с какой нетерпеливостью действует «он сам», его сердце сжималось от боли.

«Даже такой дешёвый трюк раскусить не можешь, ничтожество!»

— Что именно имеет в виду ваша милость? — спросил Му Ци.

— Я слышал, господин — странствующий торговец, — сказал Сын Неба. — Изучая тайные искусства, не доводилось ли вам узнавать о секретах бессмертных...

«Посмотри на себя, как дёшево ты себя продаешь! Другой ещё и не заикнулся, а ты уже готов выложить все карты на стол!»

— Бессмертные, не бессмертные — нам это неведомо, — ответил Му Ци. — В юности мне посчастливилось встретить одного мудреца, который обучил меня искусству врачевания, да ещё и научил читать по лицам.

Возможно, не ожидая такого ответа, правитель на мгновение замешкался, а затем мягко произнёс:

— В таком случае, не согласится ли господин прочесть по моему лицу?

Торговец по фамилии Ван ахнул, стиснув зубы.

«И ты еще так унижаешься перед ним!»

Поскольку сам императорский двор подавал пример, в Чанъане процветала мода на поиски бессмертия. Заклинатели сновали между домами знати, и достаточно было наговорить с три короба, чтобы заслужить хоть толику доверия. Но именно потому, что подобные речи были так

распространены, Му Ци должен был придерживаться образа простака — невежественного, грубоватого, но искреннего. Только так он мог выделиться на фоне всех прочих, произвести самое неизгладимое впечатление.

Поэтому он с самого начала держался отстранённо, даже не поблагодарив собеседника за любезность. Он просто сидел на месте, наблюдая, как слуги откидывают полог, а затем внимательно вгляделся в бледное, измученное болезнью лицо. После этого Му Ци, немного помедлив, изобразил на своем лице выражение растерянности и изумления.

— Что скажет господин? — спросил Сын Неба.

— ...Мне трудно сказать, — после долгой паузы с трудом выговорил он. — Честно говоря, я никогда не видел столь знатного и необыкновенного лица. Кажется, даже хоу, владеющий тысячью дворов, нет, даже десятью тысячами дворов, не...

Услышав это, Сын Неба едва заметно улыбнулся. В этом и заключалось преимущество тактики «сначала принизить, потом возвысить». Если бы Му Ци с самого начала начал льстить, то из десяти его слов можно было бы поверить лишь пяти. Но именно потому, что он сперва показал себя дерзким, его слова теперь звучали особенно убедительно — именно такого контраста и жаждал император!

— Знатность — это предначертание Небес, и другим не дано его постичь, — сказал хозяин парка. — Прошу господина рассказать о другом.

Заклинатель еще раз внимательно вгляделся в его лицо и, тщательно подбирая слова, начал:

— ...Однако, осмелюсь заметить, что при всей вашей знатности, в делах семейных, с супругой и детьми, вас, боюсь, ждут большие трудности...

Несколько лет после восшествия на престол у него не было наследника, из-за чего его трон едва не пошатнулся. Позже разразилось бедствие, вызванное колдовством «гу», в результате которого императрица Чэнь была низложена. Разве это не «большие трудности» в делах семейных? Сын Неба был полностью согласен и ничуть не обиделся. Он даже одобрительно кивнул:

— Весьма пронизательное суждение. Прошу господина говорить всё, что видит, не стесняясь.

«Это ты сам сказал!»

— ...Кроме того, ваша милость слишком предаётся удовольствиям, что может повредить вашему счастью и привести к непредвиденным последствиям.

Государь приподнял бровь:

— К каким последствиям?

Советы о том, что распущенность вредит телу, он слышал уже тысячи раз. Из уважения к таланту гостя он был готов выслушать это еще раз, но не более того.

— Если вы будете и дальше потворствовать своим желаниям, — сказал Му Ци, — боюсь, в будущем вас ждут ломота в пояснице, пустота почек и половое бессилие...

Сын Неба: «??!!!»

Торговец по фамилии Ван: «????!!!»

Вэй Цин и Хо Цюйбин: «????!!!!»

В одно мгновение в огромном дворцовом саду воцарилась мертвая тишина!

<http://bllate.org/book/16002/1501087>